

ВЫСТАВКА МИФ

Коллекция 2. - 2006. - 21 апр. - с. 22

Английский классик не был оригиналом

«В поисках Шекспира» в Национальной портретной галерее

В Лондоне в Национальной портретной галерее (NPG) проходит выставка «В поисках Шекспира». Главные экспонаты — шесть портретов Уильяма Шекспира, в разное время считавшиеся его самым подлинным изображением. О том, почему «шекспировский вопрос» так дорог сердцу каждого англичанина и чем он может быть полезен нам, размышляет ВИКТОРИЯ МУСВИК.

Есть очень мало вещей, которые могут выбить англичанина из колеи. Одна из них — футбол (все знают о неистовых английских болельщиках), другая — дебаты о привилегиях королевской семьи. Но ни про одну из них не написано так много книг, снято фильмов и проведено конференций, как по вопросу о том, был ли Шекспир Шекспиром.

Поводы для волнения действительно имеются: от Шекспира, самого гениального англичанина всех времен («Шекспир — это наш Пушкин», — сказал мне как-то один британский профессор), не только не осталось ни одного сколько-нибудь достоверного прижизненного портрета, но и сами детали его жизни весьма сомнительны. Нет ни писем, ни рукописей его произведений. Это дает возможность сторонникам теории заговоров выдвигать разнообразные гипотезы о «настоящем Шекспире»: в разное время в авторы записывали не только его современников-поэтов и драматургов, но и королеву Елизавету.

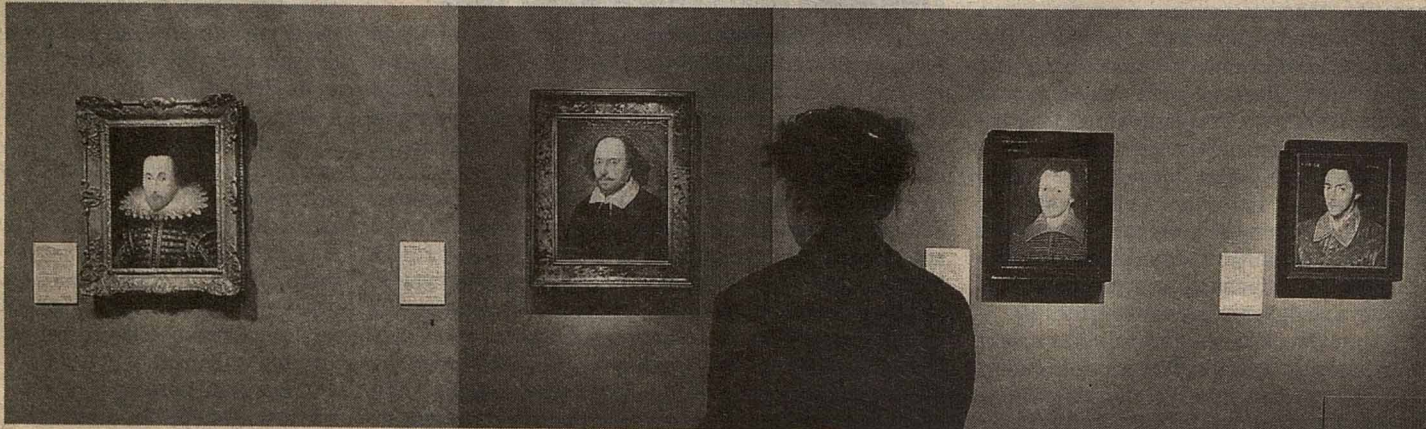
Все это хорошо понимали организаторы экспозиции «В поисках Шекспира», приуроченной к 150-летию со дня основания NPG. Подготовительную работу к взрыву этой бомбы они начали несколько лет назад, когда к планирующейся на 2006 год выставке было затеяно специальное исследование хранящегося в фондах музея так называемого портре-

та Чандоса, а также двух других изображений Шекспира (известных как графтоновский и флауэровский портреты — по именам первого владельца и дарителя холста нации).

Результат исследовательской работы, впрочем, оказался вполне предсказуем: меньше всего сомнений у специалистов вызвал портрет из фондов галереи. Портрет Флауэра признан не прижизненным (1609), а написанным в период с 1814 по 1840 год. Впрочем, о том, что он написан в XIX веке, и так известно уже довольно давно, так что уточнилась только датировка. На портрете Графтона (1588) изображен непонятно кто, личность установить так и не удалось. А вот по поводу портрета Чандоса куратор Тарния Купер высказывает наиболее уклончивое мнение: после работы специалистов уверенность в том, что на портрете изображен Уильям Шекспир, «увеличилась», но «неопровержимых доказательств» так и не появилось — и, возможно, не появится никогда. В итоге портрет Чандоса признан наиболее вероятным и правдивым изображением того самого Шекспира. Кстати, именно этот портрет, приписываемый то кисти Джона Тэйлора, то Ричарда Бербеда, является самым первым экспонатом, с которого и началась коллекция всемирно известной галереи. По странному стечению обстоятельств это, пожалуй, и самый романтичный портрет Шекспира, который удобным образом ложится в «культ гения»: на нем изображен приятный брюнет возрастом что-то около сорока, с длинными волосами, таинственно поблескивающей в левом ухе золотой серьгой, загадочным взглядом карих глаз и полуулыбкой Джоконды. Правда, в XIX веке некоторые критики замечали, что «наш британский Шекспир» не может иметь такое «иностранный облик», к тому же с «явно еврейскими чертами».

Помимо трех исследованных экспертами NPG портретов на выставке представлено еще три, сомнительность которых давно ясна. Портрет Сандерса (1603) — то самое изображение, которое якобы нашли в Канаде в 2001 году в ящике под кроватью, о чем протрубили все мировые газеты. Правда, потом оказалось, что журнал The Connoisseur писал о нем еще в 1909 году, а тот, кто изображен на холсте, слишком молод для того, чтобы быть Шекспиром. Янсеновский портрет, на котором мы видим довольно унылого типа с неприятным, явно мизантропским выражением маленьких глаз, зато вполне поэтической, а не бюргерской внешности, оказался изображением совсем другого человека. Недавняя реставрация выявила на его благородном высоком лбу волосы, попросту замазанные кем-то из потомков, дабы сделать его похожим на гениального драматурга. Наконец, шестой номер обязательной программы занимательного шекспироведения — портрет работы Джералда (или Гилберта) Созста. Прижизненным его, кстати, никогда и не называли, это мемориальное изображение 1667 года. Характерно, что сережки в ухе у мемориального Шекспира уже нет: в 1660-е мода на богемные проявления гениальности давно прошла.

На самом деле никаких новых находок по «шекспировскому вопросу» выставка не представляет, зато она грамотно и профессионально исполнена, делает историю интересной самому широкому кругу людей и является отлично спланированной пиар-акцией NPG, чью очередную громкую выставку можно вписать в учебник музейного дела. Жаль, что его уже не прочтут организаторы памятного пушкинского юбилея, запомнившегося в основном тем, что уровень официоза и пошлости зашкалил за все предельно допустимые нормы.

Портрет Чандоса (второй слева), самое вероятное из маловероятных изображений Шекспира, выставлен в Национальной портретной галерее на самом почетном месте. ФОТО AP